

A. I. Байрамукова

ПЕРВАЯ ЛЕКСЕМА, ЗАФИКСИРОВАННАЯ В. И. ДАЛЕМ, КАК СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ

Работа представлена кафедрой русского языка

Карачаево-Черкесского государственного университета им У. Д. Алиева.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор К. Э. Штайн

В статье рассматривается феномен первого произведения В. И. Даля, а также первая словарная статья (лексема) как важнейший металексикографический ориентир и семиологический факт для осмыслиения лексикографической стратегии В. Даля.

Ключевые слова: метатекст, первое произведение, лексикографическая манера, семиологический факт.

The article views the phenomenon of V. I. Dal's first work and also the first entry (lexeme) as the major metalexicographical reference point and a semiological fact for conceptualisation of V. I. Dal's lexicographical strategy.

Key words: metatext, the first product, lexicographic manner, semiological fact.

Рассмотрим истоки формирования лексикографической манеры В. И. Даля, опираясь на данные его первых лексикографи-

ческих опытов. Лексикографическая деятельность В. Даля началась в 1819 г., когда мичману Далю было всего 18 лет. О начале

лексикографической деятельности Даля пишет в своей незаконченной автобиографической записке следующее: «3 марта 1819 года, после трех кампаний в Маркизовом море, мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Черное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к своему Словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал» [2, с. 51].

В. Порудоминский следующим образом передает этот факт из жизни Даля: «По сего насту сани идут легко, словно под парусом. Снег лежит в поле длинными грядами. Поле бескрайнее, как море. Ветер гудит, метет снег низом. Ямщик, укутанный в тяжелый тулуп, понукает лошадей, через плечо поглядывает на седока. Тот жмется от холода, поднял воротник, сунул руки в рукава. Новая, с иголочки мичманская форма греет плохо. Седок совсем молодой. Мичман – первый на флоте офицерский чин.

Ямщик тычет кнутовищем в небо, щурит серый холодный глаз под заледеневшей бровью, басит, утешая:

- Замолаживает...
- То есть как «замолаживает»?

Мичман глядит неудоменно.

– Пасмурнеет, – объясняет ямщик. – К теплу.

Мичман суетится, вытаскивает из глубокого кармана записную книжку, карандашик, долго дует на закоченевшие пальцы, выводит старательно:

“ЗАМОЛАЖИВАТЬ – иначе пасмурнеть – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью”.

Летят сани по снежному полю, метет низовка, а мичману уже не холодно. И не потому, что замолаживает, заволакивает тучами небо – когда еще отпустит мороз! – а потому, что задумался мичман о своем, залетел смелой мыслью далеко за край крайнего поля. И про холод позабыл.

Морозный мартовский день 1819 года оказался самым главным в жизни мичма-

на. На пути из Петербурга в Москву, где-то у Зимогорского Яма, затерянного в новгородских снегах, мичман принял решение, которое повернуло его жизнь. Застывшими пальцами исписал в книжке первую страницу...» [5, с. 34]. Таков социофизический контекст, предшествующий грандиозному событию в истории русской культуры – созданию знаменитого авторского толкового словаря – хранилища колосальной информации о русской культуре.

Очень важно осмыслить первое слово, записанное юным лексикографом Далем. Первая словарная статья является особым семиологическим фактом всего лексикографического пространства лексикографа. К. Э. Штайн отмечает: «Как эстетический объект первое произведение уступает зрелому творчеству, но в контексте идиостиля это знак особого рода – знак инициации, он имплицирует связи с предшествующими и эксплицирует отношения с последующими текстами в большом контексте творчества художника. Это точка отсчета, единство... Первое произведение может стать основой для осмыслиения культурного сознания автора, показателем и доказательством единства его творчества» [11, с. 4].

«Понятие о первом произведении, – пишет К. Э. Штайн, – коррелирует с философским принципом первоначала (Г. Коген), по которому идеальное первоначало, или начало чистой мысли, может служить не только действительной основой единства всей системы знания, но и единственным источником, порождающим этот трансцендентальный предмет познания, так как действительное содержание знаниядается не извне, а создается самой мыслью» [11, с. 4].

Приведем данные словаря Даля по поводу первой лексемы: «**ЗАМОЛАЖИВАТЬ**, **замолодить** пиво, мед, приводить в винное броженье хмелем, навеселить; о квасе, приводить в кислое броженье. **Замолаживать**, безличн. *орл. тул. и вост.* пасмурнеть, заволакиваться тучками, клониться к ненастью, замывать [Не вообще ли, о перемене пого-

ды, от молодик, молодой месяц.] – начинать бродить, переходить в броженье; быть замолаживаему. *Замоложаветь?* тамб. пенз. захмелеть; опьянеть. *Замолодеть?* олон. о солнце, покрываться белыми тучками (не замолаживат ли?)» [3, с. 604].

Лексикограф приводит все варианты значений данной лексемы – ‘приводить в винное брожение хмелем’, но нас интересует омоним этого слова – ‘пасмурнеть, заволакиваться тучами, клониться к ненастю, замывать’. Важно, что дефиниции предшествует грамматическое истолкование, которое следует отнести к элементам герменевтического лексикографического подхода Даля. Помета «**безличн.**» – это важный ориентир в словарной статье. Важно, что первое слово, записанное молодым лексикографом, было связано с природой, потому что на протяжении всего изучения словаря Даля мы приходим к выводу, что важным для Даля оказался именно коэволюционный подход: ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – МИР.

Приведем лексикографические параллели из других словарей. Словарная статья «замолаживать» имеет место и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка. Рассмотрим ее:

Замолаживать, *несов., неперех., безл.* Обл. Заволакиваться тучами, облаками (о небе); клониться к ненастю. Было морозно и колко, но с вечера стало замолаживать и оттепело. Л. Толст. Война и мир. – *Погляди, Петруха, – радостно воскликнул старик, указывая на восток, окутанный сизою тучей, – никак замолаживать начинает!* Григор. Четыре времени года. – *А, смотрите, опять, кажется замолаживает, иши тучки-то...* Солнце готово было спрятаться за дальней тучкой. Н. Усп. Сельск. портной.

– Нордстет, Слов. 1780: замолаживает; Слов. Акад. 1809: замолаживать [7, с. 679].

Дефиниция практически идентична далевской. Приведены грамматические пометы: *несов., неперех., безл.* Указана также областническая среда функционирования слова. В словарной статье приведены языко-

вые иллюстрации из произведений русской классической литературы. В словарной статье Даля отсутствуют примеры.

Словарная статья «замолаживать» – лексикографическая точка отсчета для всего словаря Даля. Для нас важно, что первое произведение в таком ракурсе предстает как некая гипотеза, «задание», точка единства в заданности развивающегося творчества, т. е. начало процесса становления художника слова. По аналогии с мифо-порождением первое произведение можно представить как некую «изначальную ситуацию», являющуюся «созидательной целостностью» (М. Элиаде). Для нас важен тот факт, что лексикографические линии коэволюционного подхода Даля идут именно от этого слова. В лексикографической концепции Даля во главе угла стоит связь **человек – природа (мир)**.

Как отмечает М. Хайдеггер, в подлинном начале (истоке) никогда не бывает примитивности начинающего: «Примитивное не способно дать ничего, кроме того, в пленах чего оно находится само» [8, с. 308].

К. Э. Штайн в связи с феноменом первого произведения выделяет следующий круг проблем:

1) проблема *аутентичности*, или «авторства» первого произведения (что можно рассматривать в качестве «первого»);

2) проблемы *антиципации* (устремленности вперед) – связи первого произведения с последующим в творчестве художника;

3) проблемы *рекурсивности* (обращенности назад) – отношения первого произведения художника с предшествующими текстами [11, с. 5].

В 1827 г. в журнале «Современник» В. И. Даляр напечатал два стихотворения: «Отрывок из длинной повести» и «Совет молодым моим друзьям», из которых особенно первое, по сообщениям П. К. Божарянова, «...носит на себе тот характерный отпечаток богатства чисто русского языка, предмету изучения которого была посвящена вся жизнь В. И. Даля» [1, с. 714].

Первые стихотворения мы назовем метатекстами-аутентификаторами. Метатекстовыми они являются потому, что это тексты о слове, они представляют собой эксплицированный метатекст, который взаимодействует с другими видами текстов, они занимают более низкую ступень абстракции в плане метакатегорий текста и имеют имплицитно заданные показатели (лексемы говорения, звучания и т. д.). В них эксплицируется момент осознания авторства, при надлежности к общности поэтов.

«Под аутентичностью первого произведения, – пишет К. Э. Штайн, – мы понимаем приведение художественного текста поэтом в соответствие с его личностью, необходимостью выразить то, что он хочет, т. е. установление прямой связи между языком духовного мира, на котором художник осознает себя, и языком искусства» [11, с. 5].

Под антиципацией следует понимать «предвосхищение принципов, методов, средств, приемов, характерных для последующего творчества, в первом произведении, т. е. это предвосхищение общего контура всей системы по одному из элементов – первому произведению» [11, с. 5]. Еще Ш. О. Сент-Бев в работе, посвященной П. Корнелю (1829), пишет, что «самое важное для биографа великого писателя, великого поэта – это уловить, осмыслить, подвергнуть анализу всю его личность именно в тот момент, когда более или менее удачное стеченье обстоятельств – талант, воспитание, окружающие условия – исторгает из него первый его шедевр. Если вы успели понять поэта в этот критический момент его жизни, развязать узел, от которого отныне протянутся нити к его будущему, если вам удастся отыскать, так сказать, тайное звено, что соединяет два его бытия – новое, ослепительное, сверкающее, великолепное, и то – прежнее – тусклое, замкнутое... И тогда от “Рене” до последнего творения г-на Шатобриана, от первых “размышлений” до всего, что еще создаст г-н Ламартин, от “Андромахи” до “Гофомии”, от “Сида” до

“Никомеда” – вам легко приобщиться к гению великого поэта – путеводная нить у вас в руках, вам остается только идти за ней. Какая блаженная минута равно и для поэта и для критика, когда оба, каждый со своей стороны, могут воскликнуть подобно древнему мужу: “Эврика!” Поэт обрел сферу, где отныне может развернуться и расцвести его гений, критик постиг внутреннюю сущность и закономерность этого гения» [6, с. 337–338].

По словам М. Хайдеггера, начало, «как скачок, всегда есть вместе с тем за-скок вперед, а в таком за-скоке начало уже перескочило чрез грядущее, пусть и скрытое в тумане. Начало сокрыто содержит в себе конец» [8, с. 308].

В стихотворении «Отрывок из длинной повести» видны элементы ковалюционного подхода в описании пейзажа. В этом стихотворении уже предвосхищен особый тип далевского мышления. Видно обостренное внимание к окружающей действительности. Но удивительно, что в этих «бесхитростных» стихах уже ощущается почерк и особая манера строить гармоническое целое. Основная черта поэтического мышления – стремление к исчерпывающей полноте и многосторонности описания природы:

Лишь смеркается день – и приветливо
тень
И вблизи, и вдали усталась на земли,
Я взвился на коня – и помчал он
меня,
Как олень через рвы, как сокол
через дол...

Важна также графическая партитура первого произведения. Стихотворение В. Даля имеет ярко выраженную графическую фактуру, создается она различными способами, в том числе и графическим расположением стиха, в котором подчеркнуто неровные края. Динамика текста создается и средствами метаграфемики – знаками препинания. Но выразительнее всего изломанная графика стиха.

Графическая партитура текста

Без разбора я мчусь, без оглядки	,	,	,
несусь; []	:	,	,
Чует конь, когда огонь, где вода, где	,	,	,
беда: []	:	,	,
Выплывал из воды, из коня, из	,	,	,
беды! []	!	,	,
Не стоял, не дремал, я скакал в	,	,	,
перевал, []	,	,	,
От зари до зари, со скалы на скалы,	,	,	,
И о плиты копыты стучат и звенят;	,	,	,
По полям, по устам, через терни,	,	,	,
через дерн.	,	,	,

Наблюдается скопление знаков препинания, что способствует созданию рельефного, «складчатого» текста. Знаки препинания – «полноправные элементы общей гармонической организации, более того, они доминируют в ней, находясь в равноправных отношениях с другими элементами общего гармонического целого. Знак препинания может стать отличительным признаком идиостиля (общепризнанно – тире М. И. Цветаевой)... точку у А. А. Ахматовой, которая подчеркивает внешнюю сдержанность и глубинный эмоциональный напор ее стиха (единовременный контраст), можно считать свойством художественной системы» [10, с. 266]. В лексикографическом дискурсе Даля мы также обнаруживаем внимательность лексикографа к средствам метаграфемики (активно используются знаки препинания, шрифты: курсив, петит, разрядка).

Динамической широте описания способствует и введение глаголов движения: выплывал, не стоял, взвился. Такое соотношение образов (человек – олень – конь – вода – огонь) – особенность поэтического пейзажа с его возможностями дать широчайшую картину земных пространств. Явления природы даны в определенной визуальной ощущимости. Эта черта будет продолжена и в лексикографическом дискурсе (словарные статьи, связанные с природой: вода, мир, солнце).

В картине, которую рисует молодой поэт, Даляр стремится к отражению действительности во всей широте ее бесконечных

масштабов, но она тем не менее «заземлена» конкретными реалиями. Таким образом, еще в раннем творчестве сложились творческие и языковые критерии Даля, которые он отстаивал на протяжении всей своей жизни.

Рассмотрим словарную статью «природа», которая демонстрирует коэволюционный подход лексикографа. Значение лексемы – ‘естество, все вещественное, вселенная, все мирозданье, все здимое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля, со всем созданым на ней; противополагается Создателю’ [4, с. 439]. В definicции видны также теологические взгляды Даля. В качестве словарных иллюстраций Даляр приводит следующие высказывания, которые связаны с эстетическим созерцанием природы: *Вся природа красуется весною. Природа проснулась с зарею. Я люблю природу, вольный воздух, леса, горы и пр.*

В статье имеет место важные оппозиции, которые выделяет лексикограф при объяснении значений лексемы «природа»:

- в области этики: «природа – духовность» – ‘все земное, плотское, телесное, гнетущее, вещественное, противопол. духовность’: *Природа в человеке манит и блазнит его, а Дух призывает и высит. Воскресая, человек покидает природу свою;*

- в области эстетики: «природа – искусство» – ‘все природные или естественные произведения на земле, три царства (или, с человеком, четыре), в первобытном виде своем, противопол. искусство, дело рук человеческих’: *Слепое подражанье природе не есть дело достойное искусства. Никакое искусство не достигнет природы, в отделке произведений.*

Весь корпус словарных иллюстраций очень интересен и информативен: *Природа ума человеческого кичива. Вся природа духовного не подлежит чувствами. Гони природу в дверь, она влетит в окно! Человек, по природе, самотник. Привычка вторая природа.*

Все метатекстовые нити тянутся к первой словарной статье «замолаживать» и к

первым стихотворным опытам. Налицо проницаемость текстов Даля, обусловленная первыми его творческими опытами.

Будучи «про-бросом» «за-скоком», первое произведение обращено и назад; и эта длительность бесконечна. Говоря словами Пьера Тейяра де Шардена, первое произведение, как и всякая вещь, уходит корнями «все дальше в прошлое» [9, с. 71].

Как отмечает К. Э. Штайн, «рекурсивность первого произведения (от лат. *recursio* – возвращение) осуществляется в трех основных направлениях: 1) от первого произведения к предшественникам (подключение к художественной парадигме); 2) от первого произведения к пра-образам по закону «автономного комплекса» (К. Юнг); 3) от пер-

вого произведения к безднам языка, ведь первое слово – тоже поэзия (А. А. Потебня), оно, в свою очередь, направлено к «перевозукам» [11, с. 11–12].

Первое произведение уходит в корни традиций, в глубины коллективного бессознательного и в «гул языка» (Р. Барт). Первые стихотворные опыты Даля, его первая лексема, зафиксированная для Словаря, служат важным семиологическим фактом, который является дальнейшим фоном для всех произведений автора.

Таким образом, первое произведение, на первый взгляд не всегда значительное, в процессе исследования оказывается чрезвычайно значимым – маргинальное становится в основную структурную позицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Божерянов П. К.* О стихотворении В. Даля «Отрывок из длинной повести» // Русская старина. 1891, декабрь. С. 714–715.
2. *Даль В. И.* Автобиографическая заметка // Даль В. И. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. СПб.; М., 1897. С. XCI–XCV.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. II. 779 с.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. III. 555 с.
5. *Порудоминский В.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.
6. *Сент-Бев Ш. О.* Пьер Корнель // Хрестоматия по теории литературы. М.: Учпедгиз, 1982. С. 336–339.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1960. Т. IV. 1364 с.
8. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Зарубежная эстетика XIX–XX вв. М.: Издательство МГУ, 1987. С. 264–321.
9. *Шарден П. Т. де.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
10. *Штайн К. Э.* Гармония поэтического текста: Монография / Под ред. В. В. Бабайцевой. Ставрополь: Издательство СГУ, 2006. 646 с.
11. *Штайн К. Э.* К вопросу о семиологии первого произведения // Первое произведение как семиологический факт: Сб. ст. научно-методического семинара «Textus». Вып. 2. СПб.; Ставрополь, 1997. С. 4–13.
12. *Элиаде М.* Миры. Сновидения. М.: Рефл-бук, 1996. 288 с.